

1:0 В ПОЛЬЗУ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА

Культура. — 1995. — 3 июля. — С. 9.

Ах, эта загадочная русская душа, непостижимая для немцев, американцев, французов, испанцев и всех прочих.

И почему же их так тянет ставить наших — Чехова, Горького, а теперь вот и Владимира Сорокина? Что общего между матерными "чернушечными" сорокинскими эскападами и, например, миром добропорядочных и аккуратных немцев? Однако именно Германию тянет "на сорокинское", именно Германия читает его "запоем", именно в Германии его книги появляются довольно внушительным тиражом, именно в Германии идет склока между славистами и знаменитым переводчиком Петером Урбаном за каждое очередное сорокинское творение и, наконец, именно в Германии впервые поставили повесть "Месяц в Дахау" на сцене Дюссельдорфского драматического театра.

Плоды трудов болгарского режиссера Димитра Гочева и немецких актеров Самуэля Финци и Альмут Цильхер можно было в мае увидеть на сцене МХАТа имени А.П. Чехова.

В "Месяце в Дахау" русский писатель совершает вымышленную поездку в "Германскую империю", чтобы провести отпуск в камере концентрационного лагеря города Дахау. Там он встречает немецкую девушку, двулицую лагерную надзирательницу, которую наделяет двумя именами-образами, именами-клише: Маргарита-Грехен, сочетание зверско-садистского и романтически-сентиментального в немецком менталитете. Она проводит его че-

рез 26 камер пыток. Две стороны представляют, по мысли Сорокина, особенности коллективного сознания двух стран — России и Германии. В обеих странах существует одинаковая склонность к тоталитаризму, причем немецкий несет в себе садистские черты, а русский — мазохистские. В своей повести Сорокин совершает фантастическое путешествие в тоталитарное подсознание обоих народов.

Строгость, логичность, проблемность извлекли из "Месяца в Дахау" немцы. Спектакль Гочева представляет собой четко работающий механизм, профессионально сыгранные актерские партии. Контрастные цвета, столь любимые немцами, черный и белый, неистребимый на протяжении всего XX века на германской сцене унитаз, игра с остронаправленным световым лучом, микрофоны, телевизоры, видеокамеры, дающие крупный план — давний арсенал любого западногерманского спектакля по современной пьесе. Локальность и лаконичность. Нагнетание атмосферы, попытки заигнотизировать зрителя с помощью ритмического наговаривания текста, моменты истерии и истощных криков.

Сорокинский текст оказался суперблагодатной основой. Кажется, все написано "на заказ". Есть и натуралистически-дотошные описания пожирания заключенным русской девочки Лены, есть и изощренные пытки, и при этом — абсолютный приоритет слова. Последнее особенно важно: немецкий театр все вре-

мя тяготеет к чтецкому искусству, к обилию монологов, к бесконечной, тотальной словесной массе. В "Месяце в Дахау" слово смакуется, царствует.

Сорокин создал идеальное по удобству потребления для просвещенного западноевропейского читателя произведение, отвечающее во всем канону модернистской литературы. Он представился заграничным людям типичным русским, с пол-оборота заводящимся решать глобальные проблемы Востока и Запада. Он искусно встроил в свой текст целую обойму модных на Западе идей: маркиза де Сада, Мазоха, Фрейда, Дерриды, уложил его в "прокрустово ложе" строгой концепции, которую сам же блистательно объяснил и прокомментировал. Сорокин создал иллюзию понимания его произведений по ту сторону границы, заинтересовал собой, провел хитроумную рекламную кампанию. Сорокин сыграл с Западом в забавную игру.

Его писательская популярность сейчас довольно велика. Ну а театральные постановки? Как будто бы что-то осталось недоговорено, как будто бы есть скрытый ключик для сценической интерпретации, как будто бы именно об этом говорит Сорокин в интервью с Иоахимом Луксом: "Речь идет о русской душе, о русском мнении, о русском писателе, о русском... (смеется), о русской... (смеется), о русских...". И так далее.

Ольга ФЕДЕНКОВА.